

T.K.

g(c)05

T 82

Тульская Старина.

Кто не желаетъ знать своего
Отечества,
Тотъ не достоинъ называться
его сыномъ.

Издание Тульской Епархиальной Палаты
Древностей.

Подъ редакціей

Управляющаго Палатой Древностей

Н. А. Троицкаго.

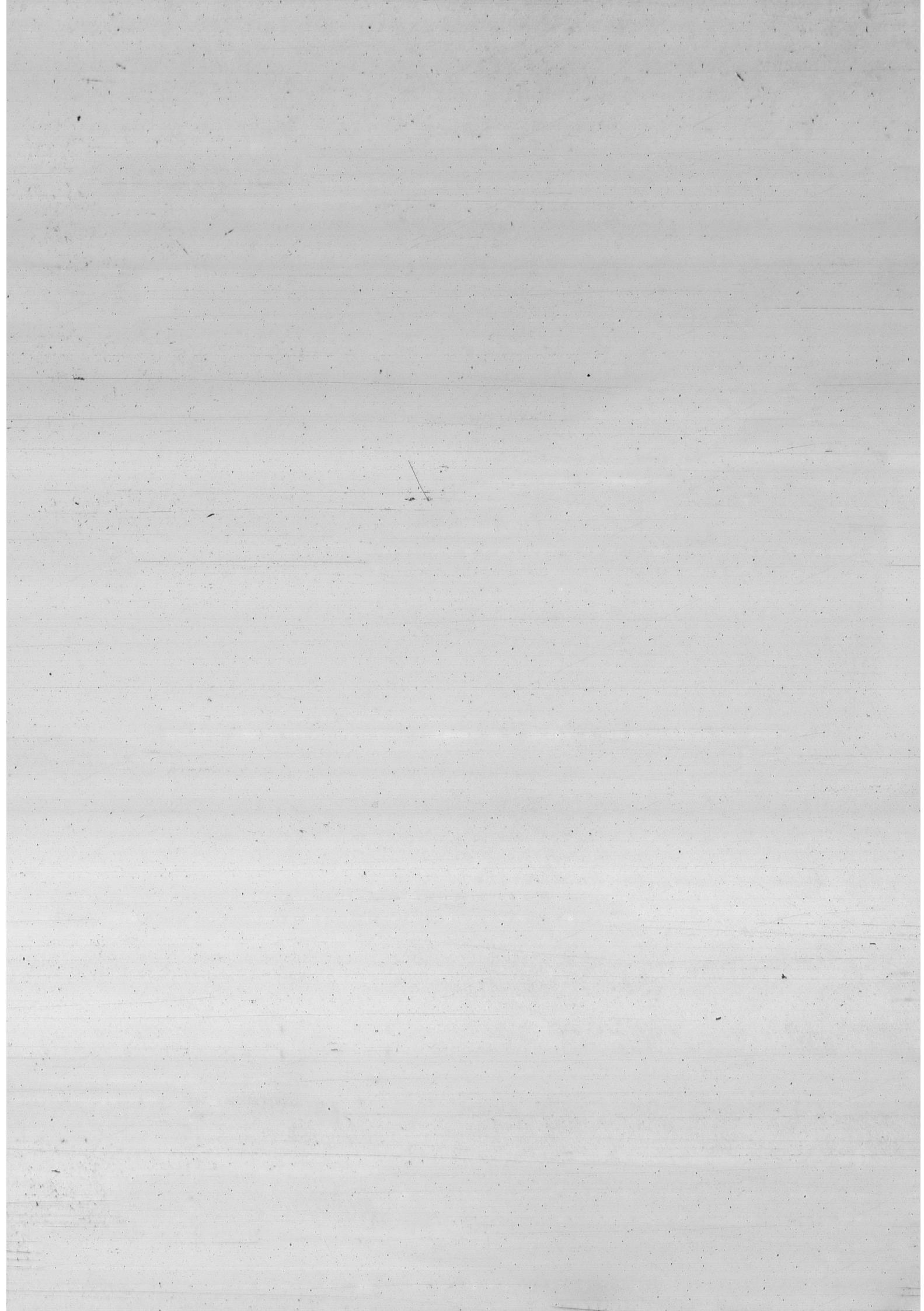
14.

Т У Л А.

Типографія И. Д. Фортунатова насл., въ Тулѣ.

1904.

Тульская Старина.

Кто не желаетъ знать своего
Отечества,

Тотъ не достоинъ называться
его сыномъ.

Издание Тульской Епархиальной Палаты
Древностей.

Подъ редакціей

Управляющаго Палатой Древностей

И. А. Троицкаго.

14.

Т У Л А.

Типографія И. Д. Фортунатова насл., въ Тулѣ.

1904.

Содер жаніе.

- 1) Куликовская побѣда. *Н. Ив. Троицкало*.—Стр. 1—10.
- 2) Реформа календаря при Петре Великомъ и взглядъ на нее раскольниковъ XVIII в. *В. Ст. Яворскій*.—Стр. 11—22.
- 3) Дворянскій родъ Тейльсовъ. *С. Ал. Петровскало*.—Стр. 23—35.

ТУЛЬСКАЯ СТАРИНА.

LAUPHAR CTPNHA

Куликовская победа.

Что бы еси, Господине, такъ пошель,
поможеть ти Богъ».
Пр. Игуменъ Сергій Радонежский.

Н. Ив. Троицкаго.

Еще такъ недавно, въ 1901 году положено начало мѣстному препохвальному обычаю—8-го Сентября, у самаго подножія куликовскаго монумента, совершать торжественное поминовеніе всѣхъ русскихъ—православныхъ князей и воиновъ, въ лютой сѣчѣ на полѣ Куліковомъ побѣдоносно животь свой положившихъ: теперь, при благолѣпномъ, умилительномъ богослуженіи на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ „пролила столько крови христіанская рать, сколько туча проливаетъ дождя“,—здѣсь сливаются всѣ помыслы и чувства въ одну благоговѣйную народную молитву тѣхъ многихъ, кто присутствуетъ нарочито на знаменитомъ Куліковомъ полѣ—о тѣхъ премногихъ, кто тамъ сложилъ главу свою за святую вѣру и русскую землю,—о почившихъ въ мученической кончинѣ, въ священной доблести воина, въ любви праотеческой, въ крови жертвы Христовой, а потому и пребывающихъ изъ рода въ родъ въ памяти народной, въ поминовеніи церковномъ, въ славѣ исторической, въ вѣнцахъ вѣчнаго блаженства.

Чѣмъ вызвана жестокая Куліковская битва? Какъ совершилась такая кончина священныхъ героевъ Руси? какъ создалась бессмертная слава этихъ побѣдителей? какая главная, истинная причина Куліковской побѣды? — На это отвѣчаетъ история.

Многолюдная, даровитая, отважная, богатырская Русь временъ великаго Киевскаго князя св. Владимира быстро росла, какъ растетъ сказочный младенецъ-богатырь, подчиняла себѣ племя за племенемъ, брала городъ за городомъ у враговъ-сосѣдей, строилась, торговала, воевала, даже училась,—крѣпла и прославлялась, въ единой вѣрѣ, съ единствомъ вел. княземъ,

въ семейной власти, въ обычномъ законодательствѣ. Но вотъ, несмотря на возмужалость русскаго народа, мудрый князь Ярославъ 1 мечталъ сохранить этотъ, столь многочисленный, народъ, весь, въ его цѣломъ составѣ, какъ одно семейство одного дома, а потому, храня семейное право отеческой властью, кн. Ярославъ даровалъ своимъ многимъ дѣтямъ-преемникамъ каждому свой удѣлъ, особенный, наследдный, обособленный въ отдельное княжество. Отсюда, хотя не по волѣ и не по винѣ князя, произошло не только раздѣленіе, но и отчужденіе, и отсюда—междоусобіе,—то зло, при кото-ромъ естественно должно было слабѣть и такъ неизбѣжно клониться къ паденію русское государство, ибо, по слову Спасителя, „всякое царство, раздѣлившееся само въ себѣ, опустѣетъ, и домъ, раздѣлившійся самъ въ себѣ, падетъ“ (Лук. 11, 17).

Слабость междоусобной Руси скоро узнали и хорошо поня-ли ея сосѣди-враги на востокѣ; узнавъ, оцѣнили ее по собствен-ному опыту и рѣшили ею воспользоваться. Это были кочевыя полудикия племена орды татарскія. Сплотившись въ одно несмѣтное полчище подъ знамя хана Батыя, они наводнили Русь и разгромили ее отъ края до края. Но ихъ цѣлью было не разъ разгромить, а всячески ослабить и совершенно подчи-нить ее себѣ, а для этого отъ времени до времени все пре-давать огню и мечу, твердо налагать рабское ярмо, безпощад-нымъ грабежомъ собирать дань и не давать совершенно оправиться отъ разоренія.—Къ довершенню бѣдствій и пере-полненію мѣры этого зла, княжества, и разоренный уже, все еще продолжали спорить и взаимно ссориться, и вмѣсть съ тѣмъ должны были судиться у своихъ тирановъ—хановъ та-тарскихъ и при этомъ всячески предъ ними унижаться.

Вотъ обстоятельства, при которыхъ очень легко могла возникнуть и дѣйствительно явилась, созрѣла и окрѣпла у татаръ мысль—воспользоваться вполнѣ крайнимъ безсиліемъ Руси и уничтожить ее совершенно, какъ особую народность. Но въ народѣ русскомъ, при всей розни его отдельныхъ кня-жествъ, пребывала одна главная основа и во всемъ опора общественная, его св. православная вѣра. Слѣдовательно, та-тарамъ нужно было еще уничтожить и эту опору и такъ уничтожить Русь. Нашелся ханъ, достаточно смѣлый для выполненія этой крайней и странной задачи. Это былъ Мамай. Какъ могла явиться столь дерзкая мысль именно у этого ха-на?—Этому благопріятствовали современные Мамаю обсто-тельства русского государства, которыми онъ рѣшилъ восполь-зоваться.

По кончинѣ вел. князя Московскаго Ивана 2-го, его ёны
Димитрій Ивановичъ, по законному праву наслѣдства, занялъ
престолъ великовнажескій. Но немедленно заявилъ свои прі-
тязанія на великое княженіе Суздальскій князь Димитрій
Константиновичъ. Московскій Димитрій исходатайствовалъ
себѣ ярлыкъ на утвержденіе своего права отъ хана Амурата.
Димитрій Суздальскій, угрожаемый великимъ княземъ, бѣжалъ
во Владиміръ, отсюда въ свою отчину — въ Суздаль и здѣсь
княжилъ два года. Димитрій Московскій получилъ ярлыкъ на
свое право еще отъ другого хана, Мамая; а тѣмъ не менѣе
Димитрій Суздальскій, расчитывая на поддержку врага Мамаева,
хана Амурата, занялъ снова Владимицкій столъ и,
пробывъ здѣсь недѣлю, снова былъ изгнанъ. Только что кончи-
лось это нестроеніе, великий и страшный моръ, появившійся
въ Нижнемъ-Новгородѣ, перешелъ въ Переяславль, Коломну,
а затѣмъ и въ Москву; дошло до того, что люди умирали
черезъ день или два послѣ заболѣванія въ множествѣ, отъ 20
до 100 человѣкъ въ сутки. Окончилось это бѣдствіе — загорѣло-
ся кровавый споръ между родными братьями, князьями, Суздаль-
скими, Димитриемъ и Андреемъ за Нижній Новгородъ. Въ то
же время страшный пожаръ опустошилъ Москву. „И вогорѣ
посадъ весь и Кремль и Зарѣчье, бысть бо тогда засуха вели-
ка, еще же и бура къ тому ста велія; и не бѣ лѣзъ гасити...
и такъ никто же успѣ имѣнія своего вымыкати, ион все огни
поясты: въ едины бо два часа весь градъ погорѣ безъ остатка.
Прежде бо того не бывалъ таковъ пожаръ, замѣчаетъ лѣто-
писецъ, — отъ него же избави Господи и въ предная лѣта“.*).

И такъ, моръ и пожаръ, постоянная война междуусобная
и битвы съ внѣшними врагами, вотъ чѣмъ постоянно истребля-
лось народонаселеніе, истощалось его собственное и государ-
ственное имущество, разрушались внутреннія родовыя и быто-
вые связи, — такъ въ конецъ ослабѣвалася Русь и неотразимо
клонилась къ гибели.

Хорошо знали это бѣдственное и горестное состоаніе наше-
шего отечества алѣйшіе враги его — татары Золотой Орды. и
Вождь этой, наиболѣе многолюдной, орды хитрый, гордый и
матежный ханъ Мамай отлично понималъ всѣ наличныя въ
голы теперешнихъ обстоятельствъ русского народа — понималъ,

*.) Всѣ извѣстія лѣтописи приводимъ по Воскресенскому
списку П. С. Р. Л. Т. VIII. Продолженіе по Воскресенскому
списку. СПБ. 1859 г.

что Русь, уже давно порабощенную, многократно опустошенную, во всѣхъ отношеніяхъ разстроенню, малолюдную, съ ся мятежными князьями, не можно еще болѣе ослабить, а себя чрезъ то обогатить, усилить, прославитъ и вѣмъ тѣмъ обеспечить себѣ спокойное преобладаніе на землѣ. Съ этой цѣлію въ 1378 году Мамай, собравъ многочисленное войско, послалъ его, подъ начальствомъ Бѣгича, на всю русскую землю "и Великій кн. Димитрій со своими полками встрѣтилъ враговъ на берегахъ р. Вожи (въ предѣлахъ Рязанскаго Княжества), побошель ихъ съ трехъ стороны, разбилъ на голову, прогналъ въ степи и взялъ въ добычу всѣ обозы".

Но такая победа не дала мирныхъ дней русскому народу, не предотвратила другого нашествія татаръ; напротивъ, она только жестоко уязвила гордость Мамая, воспаменила его гневъ и вызвала уже непреодолимую решимость, не только поразить, но и именно совершенно уничтожить Русь съ ее христианствомъ. Такова настойчивость полудикаго кочевника. Въ самый годъ победы кнс Димитрія надъ татарами при р. Вожѣ, Мамай снова послалъ войско предварительно на рязанскую землю. Застигнутый врасплохъ, кн. Олегъ оставилъ свою землю и бѣжалъ въ предѣлы Княжества Московскаго. Татары же пришедшіе взяша градъ его Переяславль и огнемъ пожгоша, волости же и села и повоеваша, а люди многи посѣкоша, а иные въ плѣнъ поведоша, и возвратиша въ страну свою много зла сотвориша", — все такъ, какъ и всегда. — Смятеніе князя Рязанскаго, успѣхи боевыхъ отрядовъ по областямъ, безнаказанность грабителей — все это теперь окончательно укрѣпило самоувѣренность Мамая въ его рѣшеніи — скрушить Русь до конца.

И вотъ, не откладывая своего намѣренія, черезъ годъ — именно въ 1380 году, Мамай самъ лично и со всѣмъ своимъ войскомъ двинулся на всю русскую землю и прямо объявилъ ей гибель. Чтобы достигнуть своей цѣли съ полнѣйшимъ успѣхомъ, онъ уже не разсчитываетъ на одну свою орду, хотя и весьма многолюдную, а пріобрѣтаетъ многихъ союзниковъ — единомышленниковъ. Ко всей силѣ собственно татарской Мамай присоединяетъ силу Полоцкую, кроме того Бесерменъ, Арменъ, Фрязовъ, Черкасовъ, Ясовъ, Буртасовъ, Литовцевъ и Ляховъ, съ ихъ княземъ Ягайлой и наконецъ приглашаетъ рязанского князя Олега. И этотъ малодушный князь, страшась татарскаго хана болѣе, нежели Бога,сталъ действително на сторону Мамая противъ православнаго великаго князя Московскаго.

скаго. Такъ страшны были тъ татары! Собравъ вѣ эти полчища, Мамай объявилъ имъ прямо: „пойдемъ на русскаго князя и на всю русскую землю, якоже при Батыи цари было, христіанство потеряемъ, а церкви Божіи попалимъ огнемъ, законъ ихъ (т. е. русскихъ) погубимъ, а кровь христіанскую проліемъ..“ — „Потеряемъ христіанство“, разумѣется, уничтожимъ — такъ, что его нельзя будетъ найти нигдѣ на Руси; вотъ злѣйшая, поистинѣ сатанинская цѣль яростнаго врага святой вѣры и церкви Христовой.

Въ виду этого страшнаго скопища многихъ войскъ народовъ и столь грозныхъ намѣреній, что оставалось дѣлать Московскому великому князю Димитрію? Очевидно, необходимо нужно было собрать именно всю Русь, какая еще оставалась, никакъ не иначе, и этотъ остатокъ православнаго народа поставить противъ полчищъ Мамая въ рѣшительный, ужаснѣйшій бой. Одолѣть эта Русь — она будеть еще существовать, хотя и плачевно на многіе и многіе годы; будеть побита — она исчезнетъ съ лица земли совсѣмъ, навсегда и ея христіанство „потеряется“ вмѣстѣ съ ея именемъ... И князь Димитрій отлично понималъ это, а потому постарался собрать въ свое народное ополченіе все, что еще можно было привлечь къ оружию и поставить подъ священныя знамена на полѣ грозной и рѣшительной сѣчи.

На призывъ великаго князя Димитрія собрались преданные ему и вѣрные Христу Спасителю князья всѣхъ русскихъ областей и составили большое ополченіе многочисленное, не бывалое; но могъ ли князь Димитрій расчитывать, что оно достаточно сильно и храбро для вѣрной победы надъ полчищами Мамая и его союзниковъ? — рѣшительно нѣтъ! Его войско, ставъ на берегахъ р. Дона, должно было оказаться въ совершенно безвыходномъ положеніи: враги неизбѣжно должны были окружить его со всѣхъ сторонъ, съ юга, по выражению лѣтописца — „вся колѣна татарская“, съ востока — полки рязанскіе, съ запада и съвера — Ляхи и Литовцы. И такъ, Московское ополченіе было бы изрублено все, и поле Куликово непремѣнно стало бы могилой „всей Руси“!

Для истинно православнаго князя Димитрія оставалась единственная незыблемая опора мужества и непоколебимой рѣшимости — св. вѣра, одна надежда — Христосъ Спаситель, одинъ покровъ — Пр. Богородица. Хорошо понималъ это кн. Димитрій и самъ же онъ прежде всѣхъ обратился въ заступ-

лению и помощи Царя воинствъ небесныхъ съ молитвой, со словами.

Великій же князь Димитрій Ивановичъ, слышавъ, что идутъ на него вся царства творяща беззаконіе, а похваляющеся и рекуще, что ихъ рука высока есть, иде къ соборной церкви ко Пречистой Матери Божіи иъ святой Богородицѣ, и проліа слезы и рече: Господи, Ты всемощный и всесильный, и крѣпкий въ бранехъ, въ истину еси Царь славы, сътворивый небо и землю, помилуй ны, Пречистыя ради Матери молитвами. О, многоименитая Госпоже, Царице небесныхъ чиновъ, приено всяя вселенная и всего живота человѣческаго Кормилице! воздвигни, Госпоже, руцъ свои Пречистая, ими же носила еси Бога въплощена, не презри христіанъ сихъ и избави насть... Такъ помолившись, благочестивый князь, какъ истинный сынъ православная Церкви, принялъ еще на свое, столь великое дѣло, благословеніе Московскаго Святителя Герасима и Пр. Игумена Сергія Радонежскаго. И потомъ уже съ не- поколебимымъ мужествомъ объявилъ свое неотмѣнное решеніе всѣмъ своимъ пособникамъ: „пойдемъ противу сего окаяннаго и безбожнаго Мамая, за правовѣрную вѣру христіанскую, и за святую церкви и за вся христіаны“.

Итакъ, вотъ что подвигло и воодушевило великаго Московскаго князя на его великий подвигъ: Святая православная вѣра! — Естественно, на такой призывъ великаго князя отклинулась вся русская земля, и дотолѣ раздѣленная, подъ властью постоянно враждующихъ князей, она стала теперь подъ священное знамя одного Московскаго князя вся, какъ одинъ человѣкъ. И вотъ, — „хотя боронити своей отчины (оборонять отчество), кн. Димитрій прииде на Коломну и събра вой своихъ сто тысячъ сто человѣкъ, опричь князей Русскихъ и воеводъ иѣстныхъ“. — Никогда не бывала таиня сила русскихъ князей и воеводъ, замѣчаешь лѣтописецъ. А всей силы и всѣхъ полковъ быто около двухсотъ тысячъ. — Таковую силу собрало тогда только знамя святой прапотеческой вѣры, единое священное для всѣхъ сыновъ Руси!

Но и съ такой силой, что могъ сдѣлать Димитрій противъ силы столькихъ своихъ враговъ — татаръ и пособниковъ ихъ, Литовцевъ и Рязанцевъ? — вѣдь они были чрезвычайно многочислены и несравненно превосходны въ боевомъ дѣлѣ. — И это также хорошо зналъ не только князь, но и весь народъ, а потому князь молился и плакалъ, и вся русская земля съ нимъ молилась и горько плакала... „Слышавши во градѣ на

Москвѣ, и въ Переяславли, и въ Володимири, и въ Ростовѣ, и на Костромѣ и во всѣхъ градѣхъ вел. Князя и всѣхъ князей Русскихъ, что пошелъ Князь великий за Оку, и бысть въ градѣ на Москвѣ и по всѣмъ градомъ туга велика, и плачъ горекъ, и гласть рыданія... занеже пошли съ великимъ Княземъ за всю землю Русскую на оstryя копіи." —

Но если русскіе люди шли и понимали, что „шли на оstryя копія“, то на чёмъ же опиралось ихъ боевое мужество? — Очевидно, они всѣ были проникнуты одной вѣрою съ вел. княземъ, одной съ нимъ надеждой на помощь Господа Бога. И какъ дивно запечатлѣвалась эта вѣра и надежда на благочестивыхъ воинахъ того времени! — Древній русскій человѣкъ, воополчался на брань, надѣвалъ шлемъ и бралъ щитъ и освящать ихъ животворящій крестомъ; бралъ въ руку боевое копье, но знаменалъ свою длань, возлагая на нее завѣтный перстень съ изображеніемъ Архангеловъ Гавриила и Михаила, Архистратига небесныхъ силъ; надѣвалъ доспехи — кольчугу и броню, но подъ ними, на груди своей носилъ крестъ — энколпій или образокъ — складень съ частицѣю св. мощей или хоть частицей освященной просфоры. Возлагая такой ковчежецъ на себя, христолюбивый воинъ помышлялъ съ вѣрою, что и онъ пріобщается страданіямъ Божественнаго Агнца, что онъ становится на подвигъ мученичества — какъ нѣкогда во время жесточайшихъ гоненій за Христа. И эта мысль вѣры одушевляла его и дѣлала совершенно безстрашныи предъ лицемъ самой смерти.

Было такое значительное вооруженіе и на всемъ воинствѣ благовѣрнаго князя Московскаго, какъ была въ душѣ всѣхъ св. вѣра и надежда. Оттого не оставилъ ихъ Господь своей помощью и своимъ утѣшеніемъ. — Такъ, именно только по милости Божией, совершенно неожиданно, къ тому времени „приспѣша вотчинъ разныхъ издалеча“ два родные брата Литовскаго князя Ягайла, Андрей Полotsкій и Димитрій Брянскій, „со всею Брянскою силою пріѣхаша поблонитися и послужити великому князю.“ — Почему же такъ? потому что они, по древнему сказанію, были „крещены въ православную вѣру чрезъ мачеху свою, княгиню Анну.“ **) Затѣмъ, при

**) Исторія о походѣ великаго Князя Димитрія Ивановича Донскаго противъ Мамая царя татарскова его же Божию помощью на Куликовомъ полѣ до конца побѣдиша. Стр. 40. (Лубочное изданіе XVIII вѣка, безъ обозначенія года).

самомъ переходѣ черезъ Донъ и вступленіи на роковое поле битвы кн. Димитрій снова получаетъ благословеніе отъ святаго старца, Игумена Сергія—въ грамотѣ, въ ней же писано благословеніе таково, веля ему битися съ татары: чтобы еси, Господине, такы пошелъ, а поможеть ти Богъ, св. Троица.“ И князь пошелъ,—перешелъ Донъ. Сумрачно было утреннее небо рокового дня, но веселы были взоры московского ополченія,—они уже горѣли огнемъ боевого рвнія... И Богъ не оставилъ вед. князя!

Извѣстно, чѣмъ кончилась битва на Куликовомъ полѣ. Съ помощью Божіей и Пресв. Богородицы, въ самый Ідень Ея преблагословленнаго Рождества, 8 Сентября 1380 года, полками русскими полчища татаръ разбиты были на голову.— „Изрядивъ полки противу поганыхъ, съ всѣми ратми своими, Князь Димитрій, воззрѣвъ на небо умиленнымъ очима, и въздохнувъ изъ глубины сердца и рече слово псаломское: Братіе! Богъ намъ прибѣжище и сила, „и аbie съступиша оби силы великие на долгъ часъ вмѣсто, и покрыша поле полки, яко на десяти верстъ отъ множества вой: и бысть съча велика, и брань крѣпка, яко отъ начала міру не бывала съча такова великимъ княземъ русскимъ. Бьющимся имъ отъ шестого часа до девятаго, и проліся кровь, аки дождевая туча, обоихъ, христіанъ и татаръ, и многое множество, многое безчисленно падоша трупіа мертвыхъ обоихъ“...

— Что же Мамай? Видя поголовное избиеніе своихъ полковъ, Мамай „страхомъ вострецета и вѣлми востенавъ и рече: великъ Богъ христіанскъ, велика сила его“. А затѣмъ, обратившись къ своимъ соплеменникамъ, воскликнулъ: „побѣжимъ неготовыми дорогами!“ и первый предался постыдному бѣгству по направленію къ своей ордѣ; за нимъ послѣдовали его князья—темники и все остальное татарское войско, по выражению лѣтописца, „гоними гнѣвомъ Божіимъ и страхомъ одержими суще, на побѣгъ устремишаася“. Такъ желаю уничтожить святую Русь, Мамай уничтожилъ свое войско и покрылъ себя великимъ позоромъ. На этотъ позоръ врага весело взглянуло русское солнце,—радостно улыбнулся Донъ. И струйки слезъ молитвенной благодарности заблистали въ умиленныхъ взорахъ героеў—побѣдителей.

— Что же Ягайлo? Въ то время, какъ Литовскіе князья Андрей и Димитрій, „издалеча“ шедшіе на помощь великому князю Московскому,

приспѣли на Донъ еще до начала битвы, Ягайлo, стремившійся на помощь Мамаю, не подоспѣлъ даже и къ концу ея; а если-бы подоспѣлъ, могъ бы оказать Мамаю громадную услугу.—Богъ избавилъ, говоритъ лѣтописецъ,—не поспѣша на срокъ за малымъ (разстояніемъ), за едино днище или менши.“—„Богъ избавилъ!“ да, здѣсь это совершенно очевидно. Остановившись у Одоева и узнавъ здѣсь, что битва князя Димитрія уже произошла, и Мамай разбитъ, Ягайлo съ своимъ войскомъ поспѣшно побѣжалъ назадъ,—„ни кѣмъ же гонимъ, не видѣша бо тогда князя великаго, ни рати его, ни оружія его,—такмо имени его бояхуся“, говоритъ лѣтописецъ.—Очевидно, Ягайлo, предавшись бѣгству безъ сраженія, покрылъ себя большимъ позоромъ, нежели Мамай.

— Что-же Олегъ?

Пославъ на помощь Мамаю свое войско, Олегъ приказалъ разобрать мосты на рѣкахъ, а всѣхъ, кто будетъ возвращаться съ Донского побоища чрезъ Рязанскую землю, бояръ и слугъ, хватать и грабить до нага. Тогда князь Димитрій отрядилъ противъ него часть войска; но внезапно прїехали къ нему Рязанскіе бояре и заявили, что князь Олегъ бросилъ свою отчину, Рязанскую землю, а самъ побѣжалъ съ княгиней, дѣтьми и близкими боярами. Сами эти несчастные Рязанцы били челомъ великому князю — пощадить Рязанскую землю, не воевать. Князь Димитрій принялъ ихъ чelobitъе, не послалъ войска, а на Рязанское княженіе посадилъ своего намѣстника.—Очевидно, Олегъ подвергся еще большему позору, чѣмъ Ягайлo, ибо, не только предался бѣгству, не вступая въ битву, но и потерялъ свое княженіе!—Въ этомъ не очевидно-ли возмездіе суда Божія князю вѣроотступнику?..

Какая же главная, истинная причина неожиданныхъ и столь блестящихъ успѣховъ великаго князя Димитрія при столь трудныхъ обстоятельствахъ его величайшаго подвига — спасенія отечества?—Святая православная вѣра.—Она препобѣдила зло внутри страны — рознь князей, гибельную для нихъ и губительную для народа; она если не вполнѣ примирila, то теперь — въ страшную годину — всѣхъ сблизила и объединила въ одной мысли, въ однѣмъ чувствѣ — любви къ отечеству; только она могла такъ всѣхъ одушевить до самоотверженія, на послѣднія средства собрать послѣднія силы отечества и повести ихъ „на оstryя копья“ несмѣтныхъ татарскихъ полчищъ; она преисполнила Московскую боевую рать непреоборимымъ мужествомъ на полѣ лютой сѣчи и покрыла

вѣчнымъ позоромъ сильнѣйшихъ, гордыхъ и вѣковыхъ враговъ многострадальной Руси!

„Сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша“, говорить великий Апостолъ Христовъ Іоаннъ, пережившій лютое гонение на церковь Христову (1 Іоан. 5, 4).—Сія же есть побѣда, побѣдившая и злѣйшихъ враговъ русской церкви Христовой!—Да знаютъ же сіе люди, чье сердце отъ дѣтства не согрѣто чистою любовію къ св. вѣрѣ или чей умъ окраденъ еще въ дѣтствѣ при дурномъ воспитаніи, и чрезъ то лишенъ свѣтлыхъ понятій объ историческихъ судьбахъ дорогого отечества!—Да сіяеть же на монументѣ Куликова поля св. Крестъ Христовъ, это знамя нашей праотеческой вѣры—„побѣды нашей“, да хранитъ онъ память о славномъ подвигѣ благочестивыхъ предковъ нашихъ,—доколѣ тихій Донъ катитъ свои голубыя волны, доколѣ высится московскій златоглавый священный Кремль, доколѣ стоитъ всероссійское православное Царство.

Реформа календаря при Петрѣ Великомъ и взглядъ на нее раскольниковъ XVIII в.

(Историко-археологический очеркъ по поводу юбилейныхъ празднествъ Петербурга.)

В. Ст. Яворскій.

Въ нынѣшнемъ году наша сѣверная столица праздновала 200 лѣтъ со дня своего существованія, а вмѣстѣ съ ней Россія—два вѣка съ того времени, какъ было прорублено окно въ Европу, съ той поры, какъ геніемъ Великаго Императора—Преобразователя, Россія поставлена на путь совмѣстнаго общеевропейскаго развитія. Въ специальныхъ и юбилейныхъ изданіяхъ о Петрѣ Великомъ, въ журнальныхъ статьяхъ и газетныхъ замѣткахъ предъ нами яркими чертами обрисовывается образъ первого Императора съ его широтою взглядовъ, желѣзною силою воли, неустанной дѣловитостью, энергіей, несокрушимой никакими препятствіями. Написавъ на знамени своего царствованія „преобразованіе и возвеличеніе Россіи“, онъ съ поразительной, дѣйствительно геніальной способностью, почти одинъ, безъ помощниковъ, находитъ средства и силы осуществить свои задачи по отношенію ко всѣмъ сторонамъ народной жизни, по отношенію даже къ детальнымъ проявленіямъ, едва замѣтнымъ, но не ускользнувшимъ отъ его вниманія. Онъ проводитъ принципы преобразованія отъ старанія расширить умственный кругозоръ и перевоспитать взгляды подданныхъ до стремленія придать вѣшній европейскій видъ русскому человѣку,—остричь ему бороду и обрѣзать длиннополый и неудобный кафтанъ.

Предлагаемая историческая справка касается одного изъ такихъ частныхъ преобразованій Петра Великаго, на почвѣ общихъ его стремленій сблизить Россію съ западной Европой и проложить этимъ путь развивающему вліянію послѣдней на первую. Перемѣна Петромъ Великимъ въ двухъ пунктахъ календарного счисленія, употреблявшагося въ Россіи, есть уподобленіе его западному изъ цѣлей того же сближенія Россіи съ Европой. Въ чёмъ состояла эта реформа? Какъ и съ какими цѣлями былъ преобразованъ календарь? Какъ отнеслось къ его перемѣнѣ общество XVIII в.?... Вопросы эти, историче-

ски любопытные въ юбилейные дни реформъ Петра, возбуждаютъ нашъ интересъ и съ другой стороны: вѣдь и въ настоящее время, черезъ 200 лѣтъ, возникъ, обсуждается, стоять на очереди и требуетъ удовлетворительного разрѣшенія аналогичный вопросъ о реформѣ въ Россіи современаго намъ календаря.

20-го Декабря 1699 г. по Р. Хр. былъ изданъ указъ Петра Великаго, означеный въ „Полномъ Собрании Законовъ Россійской Имперіи“, какъ именной,— „О празднованіи новаго года“¹⁾. Этотъ указъ гласилъ: „Великій Государь указалъ сказать: извѣстно Ему, Великому Государю, не только что во многихъ Европейскихъ Христіанскихъ странахъ, но и въ народахъ Славянскихъ, которые съ Восточною православною нашею Церковью во всемъ согласны, какъ: Волохи, Молдавы, Сербы, Далматы, Болгары и самые Его Великаго Государя подданные Черкасы и всѣ Греки, отъ которыхъ вѣра наша православная прината, всѣ тѣ народа согласно лѣта свои счисляютъ отъ Рождества Христова осмь дней спустя, то есть Генваря съ 1-го числа, а не отъ созданія міра, за многую рознь и считаніе въ тѣхъ лѣтахъ, и нынѣ отъ Рождества Христова доходитъ 1699 годъ, а будущаго Генваря съ 1 числа настанетъ новый 1700 годъ купно и новый столѣтній вѣкъ: и для того доброго и полезнаго дѣла, указалъ Великій Государь впредь лѣта счислять въ Приказахъ и во всякихъ дѣлахъ и крѣпостяхъ писать съ нынѣшняго Генваря съ 1-го числа отъ Рождества Христова 1700 года“.

Указомъ вводилось, такимъ образомъ, двоякое измѣненіе въ нашемъ лѣтосчислениі. До указа Петра Великаго на Руси считали годы отъ сотворенія міра, по указу счетъ лѣтъ должно было вести съ Р. Хр. Такое счислениѣ дѣжалось официальнымъ. „Великій Государь указалъ сказать впредь лѣта счислять въ Приказахъ и во всякихъ дѣлахъ и крѣпостяхъ писать съ нынѣшняго Генваря съ 1-го числа отъ Рождества Христова 1700 года“. Во вторыхъ, до указа Петра Великаго годъ начинался съ Сентября мѣсяца, какъ еще и теперь въ церковномъ счислениі; указомъ опредѣлялось начинать его съ Генваря.

Новый годъ 1700, а „купно и новый столѣтній вѣкъ“— являлся началомъ новаго календаря. Мотивируя нововве-

¹⁾ „Полн. Собр. Зак. Р. Имп.“ Т. III. (1689—1699 г.) № 1736—Декабря 20. „Именный“.

деніе, указъ ссылается на то, что годы съ Рождества Христова и начало нового года съ 1-го Января считаются во многихъ странахъ. „Извѣстно Ему Великому Государю,“ такъ указалъ сказать всѣмъ Государь, „что во многихъ Европейскихъ Христіанскихъ странахъ.... народы согласно лѣта свои счисляютъ отъ Рождества Христова осьмь дней спустя, то есть Генваря съ 1 числа“. Считаютъ годы „не отъ созданія міра“, по выражению указа, „за многую рознь и считаніе въ тѣхъ лѣтахъ.“ Вѣдь и до сихъ поръ лѣта отъ сотворенія міра до Рождества Христова опредѣляются различно: и 3761 г. и 5508 и даже 5547 ²⁾.

Побужденіемъ къ перемѣнѣ счисленія было, несомнѣнно, желаніе уничтожить разницу въ счетѣ лѣтъ въ Россіи и въ Западной Европѣ. Для Петра Великаго это стремленіе было естественно. Онъ не могъ не сознавать, что разница въ календарномъ счисленіи при торговыхъ и другихъ сношеніяхъ съ Европой, которая онъ такъ поощрялъ и которыхъ желалъ, повлечетъ много недоразумѣній, затрудненій, ошибокъ въ торговыхъ счетахъ и т. п. Если въ наше время разница стараго и нового стиля (на 13 дней) вызываетъ множество неудобствъ и служитъ побудительной причиной къ желательной реформѣ юліанскаго календаря ³⁾, можно себѣ представить, какія могли возникать затрудненія 200 лѣтъ тому назадъ при различномъ счетѣ лѣтъ и разницѣ въ началѣ каждого года на Западѣ и въ Россіи на цѣлыхъ 4 мѣсяца. Вѣдь сношения съ Западной Европой только что начинались, къ нимъ относились еще предосудительно или приступали робко.

Узаконяя считать годъ съ 1 Января, Петръ Великій хотелъ отпраздновать это событие на европейскій ладъ и онъ счелъ нужнымъ начертать въ указѣ программу празднествъ „въ знакъ того доброго начинанія“ и „новаго столѣтняго вѣка“. Эта часть указа очень характерна для физіономіи эпохи; она свидѣтельствуетъ, какая непочатая нива оставалась для обработки ея Великимъ Преобразователемъ Россіи, если даже о самомъ примитивномъ уличномъ торжествѣ общест-

²⁾ См. Ильяшева. „Руков. для препод. Насхалій въ духов. Семин.“ Харьковъ. 1896. Стр. 85—86.

³⁾ См. нашу брошюру: „Новый вопросъ и старая наука“ (Къ предполагаемой въ Россіи реформѣ календаря). Научно-популярный очеркъ. Тула. 1903 г. См. стр. 7 и слѣд.

веннаго событія надо было въ деталяхъ говоритьъ въ именномъ указѣ. „А въ знакъ того доброго начинанія“, продолжаетъ указъ о празднованіи новаго года ⁴⁾, „и новаго столѣтняго вѣка въ царствующемъ градѣ Москвѣ, послѣ должнаго благодаренія къ Богу и молебнаго пѣнія въ церкви и кому случится и въ дому своеемъ, по большимъ и проѣзжимъ знатнымъ улицамъ знатнымъ людямъ и у домовъ нарочитыхъ духовнаго и мірскаго чина передъ вороты учинить нѣкоторыя украшенія отъ древъ и вѣтвей сосновыхъ, елевыхъ и можжевелевыхъ противъ образцовъ, каковы сдѣланы на Гостинѣ дворѣ и у нижней аптеки, или кому какъ удобнѣе и пристойнѣе, смотря по мѣсту и воротамъ, учинить возможно; а людемъ скучднымъ каждому хотя по древцу или вѣтвѣ на вороты, или надъ храминою своею поставить, и то бѣ то поспѣло нынѣ будущаго Генваря къ 1 числу сего года, а стоять тому украшенію Генваря по 7-й день того же 1700 года. Да Генваря же въ 1-й день, въ знакъ веселія, другъ друга поздравляя Новымъ годомъ и столѣтнимъ вѣкомъ, учинить сie: когда на большой Красной площади огненная по тѣхи зажгутъ и стрѣльба будетъ, потомъ по знатнымъ дворамъ Боярамъ и Окольничимъ и Думнымъ и Ближнимъ и знатнымъ людямъ палатнаго, воинскаго и купецкаго чина знаменитымъ людямъ, каждому на свое мѣсто изъ небольшихъ пушечекъ, буде у кого есть, и изъ нѣсколькихъ мушкетовъ или иного мѣлкаго ружья учинить трожды стрѣльбу и выпустить нѣсколько ракетовъ, сколько у кого случится, и по улицамъ большимъ, гдѣ пространство есть, Генваря съ 1 по 7 число по ночамъ огни зажигать изъ дровъ или хворосту или соломы, а гдѣ мелкіе дворы, собрався пять или шесть дворовъ, такой огонь класть или, кто похочетъ, на столбикахъ поставить по одной или по двѣ или по три смоляныя и худыя бочки, и наполняя соломою или хворостомъ, зажигать; а передъ Бурмистрскою Ратушею стрѣльбѣ и такимъ огнямъ и украшенію по ихъ разсмотрѣнію быть же“.

Новолѣтье, дѣйствительно, было торжественно отпраздновано. Въ день новоустановленнаго года всѣ войска, находившіяся въ Москвѣ, двинулись изъ разныхъ частей въ Кремль, съ распущенными знаменами, барабаннымъ боемъ и музыкою. Государь, въ мундирѣ Преображенскаго полка, самъ разставилъ

⁴⁾ Приводимъ эту часть указа полностью ради ея характерности.

войско на Ивановской площади и затѣмъ въ сопровождениі придворныхъ и вельможъ, одѣвшихся къ этому дню въ венгерскіе кафтаны, отправился въ Успенскій соборъ къ літургіи, которую совершалъ митрополитъ рязанскій Стефанъ Яворскій; по окончаніи службы послѣдній говорилъ проповѣдь, гдѣ доказывалъ необходимость совершившейся перемѣны лѣтосчислѣнія. Тѣмъ же митрополитомъ былъ отслуженъ благодарственныій молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ въ сослуженіи всѣхъ архіереевъ и многочисленнаго духовенства. При возглашеніи многолѣтія Государю и всему царствующему дому раздалась пушечная пальба и бѣглый огонь разставленныхъ войскъ. Начался колокольный звонъ во всѣхъ церквяхъ. Петръ принялъ поздравленія съ новымъ годомъ и пригласилъ первенствующее духовенство, знатнѣйшихъ лицъ и иностранныхъ пословъ къ обѣденному столу. Для народа пиръ былъ устроенъ предъ дворцомъ. Вечеромъ всѣ улицы освѣтились огнями и въ разныхъ мѣстахъ были зажжены „потѣшные огни“. Одинъ изъ очевидцевъ первого празднованія нового года, посланникъ Плейеръ, въ донесеніи своему правительству пишетъ: „пальба изъ 200 орудій, поставленныхъ на Красной площади и изъ мелкаго ружья по частнымъ дворамъ не умолкала цѣлую недѣлю. Ночью вездѣ горѣли огни и хлопали ракеты. Торжество закончилось 6 Января, въ день Богоявленія, крестнымъ ходомъ на Йорданъ. Вопреки прежнимъ обычаямъ царь въ процессіи не участвовалъ, а стоялъ въ офицерскомъ мундирѣ при своемъ полку, выстроенному вмѣстѣ съ другими полками на Москвѣ рѣкѣ“¹⁾). Такъ встрѣчали въ Москвѣ по повелѣнію царя новоустановленное новолѣтіе.

Какъ отнеслись къ перемѣнѣ лѣтосчислѣнія въ Россіи при Петрѣ Великомъ его современники? Несомнѣнно, они взглянули и могли взглянуть на это нововведеніе только съ общей точки зрѣнія ихъ вообще на реформы Петра Великаго. Сочувствующихъ же этимъ реформамъ, сознающихъ ихъ пользу для Россіи, *убѣждѣнныхъ* помощниковъ Петра I изъ Россіянъ было немного: ихъ можно считать, если не десятками, то сотнями. Но кромѣ этихъ лицъ, и людей, готовыхъ подчиняться своему Императору и за совѣсть и за страхъ, часто недовольныхъ, но мирившихся съ фактами, были люди, для которыхъ каждая черта старины была догматомъ, а нарушеніе ея, всяко нововведеніе — ересью, религіознымъ преступленіемъ, „иска-

¹⁾ См. Приложеніе къ „Вѣстнику Краснаго Креста“, 1892 г., № 9.

женіемъ древляго православія". Для людей такого уклада мыслей не было важнаго и второстепеннааго въ дѣлѣ религіи. Не удивительно, если часть ихъ, люди болѣе крайнихъ воззрѣній, въ затѣяхъ Петра, въ его путешествіяхъ за границу, въ его желаніи близости съ иностранцами, въ введеніи ихъ обычаевъ, бритъю бородъ, ношеніи нѣмецкаго платья, париковъ и т. п., во всемъ усмотрѣли „послѣдняя времена“, а въ виновникѣ нововведеній — „сына погибели“, антихриста. На почвѣ именно нерасположенности ко всему новому, особенно идущему съ Запада, „испроказившагося въ вѣрѣ“, и возникло мнѣніе раскольниковъ о пришествіи въ Церкви Православной антихриста въ лицѣ Петра Великаго. „Наставники раскольническіе воспользовались общимъ нерасположеніемъ ревнителей старины къ преобразователю Россіи и начали утверждать, что антихристъ вскѣдаетъ на русскомъ престолѣ въ лицѣ Петра“, говоритъ проф. Нильскій въ своемъ извѣстномъ труде²⁾. Тетрадки Григорія Талицкаго о „послѣднемъ времени“, „о исчислениі лѣтъ“ и проч. только способствовали укрѣплению раскольническихъ взглядовъ на Петра Великаго, какъ антихриста³⁾, разсказы же о мученической якобы смерти Талицкаго отъ антихриста окружали Талицкаго ореоломъ мученика, пожертвовавшаго жизнью за свои убѣжденія⁴⁾. Въ каждомъ проведеніи Петромъ новыхъ началъ въ жизнь Россіи раскольники усматривали подтвержденіе мнѣнія Талицкаго. Убѣжденіе въ ихъ средѣ крѣпло. Появились разсказы о несуществующихъ преступленіяхъ Петра Великаго противъ древлеправославной вѣры, басни о его „ложныхъ чудесахъ“, что онъ, антихристъ, „въ одно время училъ три роты на водѣ лѣтомъ, будто по льду подымаетъ, воду въ кровь превращаетъ“ и т. п.⁵⁾, басни, которыя, однако, быстро распространялись и выслушивались съ довѣріемъ. Разсѣять суетѣрія было некому: духовенство, особенно сельское, само съ вѣрою внимало этимъ баснямъ, и вѣсть объ антихристѣ „въ Петербургѣ, именуемомъ царемъ Петромъ Алексѣевичемъ“,

²⁾ И. Ф. Нильскій. „Объ антихристѣ противъ раскольниковъ“. Второе (посмертное) изданіе. Петербургъ. 1898. стр. 15.

³⁾ Г. Есиповъ. „Раскольничы дѣла XVIII столѣтія“. Изд. Ко-
жанчикова. Санктпетербургъ. 1861. Томъ I. См. стр. 3—4 и далѣе.

⁴⁾ Ср. у Есипова, *ibid.* и Соловьевъ „Исторія Россіи“. Москва.
1865. Томъ 15. стр. 134—135 (слова старца Симонова монасты-
ря Захаріи).

⁵⁾ Есиповъ. *Ibid.* стр. 14.

летъла быстро; даже довѣрчивые, но любопытные монахи отъ гроба Господня, по传说ю, ъхали смотрѣть этого антихриста⁶⁾. Но все-таки раскольническимъ наставникамъ надо было обосновать мнѣніе о Петрѣ Великомъ, какъ антихристѣ, надо было указать въ его дѣятельности признаки „сына погибели“ и „временъ послѣднихъ“. Они, впрочемъ, этимъ не затруднились. Если и современные начетчики—прекрасные софисты, неразборчивые на аргументы своихъ мнѣній, лишь бы они только имѣли подобіе доказательствъ, то тѣмъ болѣе 200 лѣтъ тому назадъ, при темнотѣ народной массы, ея довѣрчивости и нѣкоторой логической изворотливости проповѣдника ему вѣрили люди, уже и безъ того недовольные и подозрительно относившіеся къ реформамъ Петра. Между нововведеніями и вообще чертами дѣяній Петра и указаніями признаковъ прішествія антихриста въ Свящ. Писаніи и Преданіи—надо было только провести слабую аналогію, сдѣлать самое невѣроятное сопоставленіе, и это было уже убѣдительно. Каждое нововведеніе Петра давало пищу для такихъ сопоставленій и изобрѣтеній доказательствъ. Съ этой точки зрѣнія и перемѣна Петромъ Великимъ лѣтосчислѣнія имѣла несомнѣнно важное значеніе: она укрѣпила убѣжденіе раскольниковъ, что Центръ I—антихристъ. „Раскольники“, говоритъ проф. Нильскій⁷⁾, „за то особенно называли Петра Великаго антихристомъ, что онъ перенесъ празднованіе новаго года съ 1 Сентября на 1 Января“. Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ рукописью, на которую въ доказательство своихъ словъ глухо ссылается покойный профессоръ, и не имѣмъ данныхъ судить, какъ указанная перемѣна календаря была встрѣчена раскольниками на первыхъ порахъ. Несомнѣнно, однако, реформа календаря взволновала умы раскольниковъ, да и не однихъ раскольниковъ. Это и понятно. Нововведеніе касалось одного изъ отправленій обыденной жизни, касалось всѣхъ. Для нашихъ предковъ новый годъ былъ праздникомъ церковно-народнымъ. Въ празднованіи его принимали непосредственное участіе и наши древніе русскіе цари, придававшіе празднству весьма торжественный характеръ. Въ этотъ день Государь являлся народу въ нескончаемомъ

6) Есиповъ. Ibid. стр. 10—11. Вѣрилъ попъ Лебедка и др. (См. Ibid. 12—13 стр.). Сочиненія противъ Талицкаго (Степан Яворскаго и другихъ) не достигали цѣли. Объ этомъ у Соловьева. Цитир. сочиненіе. Т. 15. стр. 135.

7) Цитир. сочин. стр. 15. въ примѣчаніи.

занномъ великолѣпіи, которое засвидѣтельствовано иностранцами. Для празднованія нового года въ день Симеона Столпника, 1 Сентября, былъ установленъ даже особый чинъ „провожденія лѣту“ или „дѣйство многолѣтняго здравія“. Въ этотъ день, когда Государь послѣ торжественной службы церковной появлялся на площади, „весь міръ“, всѣ присутствующіе въ одно мгновеніе ударяли челомъ въ землю и *многолѣтствовали* царскому величеству: „Здравствуй! здоровъ будь на многія лѣта, надежа — Государь!“ Государь отвѣтствовалъ „міру“ поклономъ. Это была, по свидѣтельству очевидцевъ, „самая трогательная картина благоговѣйного почтенія вѣнценосцу“. Этотъ *церковно-народный* праздникъ былъ отмѣненъ при перенесеніи Петромъ Великимъ нового года на 1 Января, и торжественное „дѣйство“ замѣнено описаннымъ выше празднествомъ по царскому указу. Съ другой стороны, перемѣна лѣточисленія была уподобленіемъ счету лѣть на Западъ, а все, что шло съ латинствующаго Запада, было въ глазахъ ревнителей православной старины — ересью. Даже употребленіе западныхъ альманаховъ, представлявшихъ изъ себя краткое подобіе нынѣшнихъ календарей, осуждалось. Домострой видѣть въ нихъ ересь. Раскольническій писатель 17 в., діаконъ Феодоръ, упрекаетъ царя за то, что онъ „альманашникъ любитъ“⁸⁾. Развѣ могли люди такихъ воззрѣній иначе, чѣмъ съ рѣзкими осужденіями, отнестись къ введенію въ Россіи западнаго календаря? Не даромъ раскольники видѣли въ Петрѣ Великомъ антихриста потому, что онъ „ввелъ все латинское“ (западное)⁹⁾. Въ отдаленныхъ концахъ Руси вѣсть о перемѣнѣ лѣточисленія вызывала даже у духовенстваувѣренность въ близкой кончинѣ міра и рѣшимость „по лѣсамъ жить и горѣть“ за древнее благочестіе, тѣмъ болѣе, что вѣсть эта доходила разукрашенная народной моловой. Характерный въ этомъ отношеніи разговоръ происходилъ между священникомъ и дьячкомъ въ Олонецкомъ уѣздѣ послѣ службы церковной¹⁰⁾. Дьячекъ: „На Москву нынѣ изволилъ Государь лѣтопись писать отъ Рождества Христова 1700 года, да платья носить Венгерскія“.

⁸⁾ Словарь Брокгауза. Сл. „Календарь“.

⁹⁾ Есиповъ. Т. 2. Стр. 102. (изъ архивн. дѣлъ объ Астрахан. бунтѣ 1705 г.).

¹⁰⁾ Приводимъ этотъ разговоръ полностію по Соловьеву, *ibid.* Т. 15. Стр. 134—135. Разговоръ происходилъ въ первые годы XVIII столѣтія.

Священникъ: „Слышалъ я въ волости, что и великаго поста недѣля убавлена и послѣ Свѣтлаго Воскресенія и Ѹоминой недѣли учнутъ по вся межъ говѣнья въ среды и пятки мясо и млеко ясти во весь годъ“. Дьячекъ: „какъ будуть эти указы присланы къ намъ въ погосты, и будутъ люди по лѣсамъ жить и горѣть, пойду и я съ ними жить и горѣть“. Священникъ: „Возьми и меня съ собою: знать что нынѣ житѣе къ концу приходитъ“.

Еще большими прикрасами фантазіи снабжались раскольническія сказанія объ антихристѣ и перемѣнѣ имъ лѣтъ. Одинъ изъ болѣе любопытныхъ списковъ этихъ сказаній помѣщенъ въ сборникѣ В. Кельсіева (лондонское изданіе) подъ заглавіемъ „Собрание отъ святаго Писанія объ антихристѣ“¹¹). Здесь—перемѣна календаря едвали не самый главный пунктъ обвиненія Петра Великаго, какъ антихриста, а всей Православной Церкви, какъ еретической и подчиненной „сыну погибели“. Правда, списокъ сказанія болѣе поздній, но составлено оно несомнѣнно во времена Петра I. „Собрание отъ святаго Писанія объ антихристѣ“, говоритъ Кельсіевъ въ предисловіи ко второму выпуску своего сборника¹²), „отличается изступленнымъ характеромъ. Это сочиненіе относится ко временамъ Петра I, но нашъ списокъ, очевидно, передаетъ его въ искаженномъ видѣ, т. е. въ соединеніи нѣсколькихъ редакцій одного и того же сочиненія въ одно цѣлое; оттого множество повтореній, общая безсвязность. Нашъ списокъ носитъ название „собраніе отъ святаго Писанія объ антихристѣ“ и въ тоже время „цвѣтникъ и Раскольниче Исповѣданіе“. — Постараемся выбрать и кратко отмѣтить по этому сказанию черты взгляда раскольниковъ на перемѣну лѣтосчислѣнія Петромъ Великимъ.

По новому лѣтосчислѣнію до Р. Хр. полагалось 5508 лѣтъ, между тѣмъ какъ раскольники считали съ сотворенія міра до Р. Хр. 5500 лѣтъ; прибавка восьми лѣтъ казалась имъ ересью, измышленіемъ антихриста, „прелестнымъ Христовыхъ

¹¹) В. Кельсіевъ. „Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ“. Второй выпускъ. Лондонъ. 1861. Сказаніе на стр. 245—268. Въ скобкахъ мы отмѣчаемъ страницы приводимыхъ по этому изданію выдержекъ.

¹²) Ibid. Предисловіе. Стр. XVII. Нѣсколько разнится съ этимъ текстъ сказанія, которымъ пользуется Щаповъ въ своей книгѣ „Русскій расколъ старообрядчества“.

лѣтъ утаеніемъ". „Егда же восхотѣ Богъ избавити насть отъ работы діавола“, говоритъ сказаніе, „и просвѣтити землю своимъ познаніемъ, посла Богъ Сына своего единороднаго въ 5500 лѣто“¹³⁾ (247). „У васъ отъ Р. Хр. осмь лѣтъ убавлено, о Россіяне! почто у Христа украли лѣта? Сего ради лживыми подписками весь родъ человѣчъ въ погибель свели,— а мы подъ лживыя ваши лѣта не подписуемся... и не проповѣдуемъ съ вами купно ложное исповѣданіе ваше и прелестное христовъ лѣтъ утаеніе“ (265).— Еще большей ерестью казался раскольникамъ счетъ года съ Января мѣсяца. Въ такомъ счетѣ мѣсяцевъ они видятъ нарушеніе правиль соборныхъ. „Онъ лютый звѣрь всея злобы и воли сатанины исполнитель, Петръ по совершенномъ всея злобы своея исполненіи, яко святіи отцы тогда на первомъ вселенскомъ соборѣ при царѣ благочестивомъ Константинѣ уложиша и запечатлѣша и сице написаша: *аще кто дерзнетъ разрушити, да будетъ проклятъ...* великий въ злобѣ Петръ и всея воли сатанины исполнитель дерзну клятвы разрушити и уставы святыхъ поизрати, разосла свои богопротивныя узаконенія, повелѣвая и по гражданскому производству дѣлъ, чтобы писать лѣта начиная съ 1-го Генваря (263)... и называя то новымъ лѣтомъ, и утвердіи его ежегодно праздновати и торжественный молебенъ приносити за него.... разрушая завѣтъ вѣчный, преданія святыхъ отецъ, иже положиша святіи на первомъ вселенскомъ соборѣ, при благочестивомъ царѣ Константинѣ, ежегодно праздновати новое лѣто Сентемврія 1 дня; также свидѣтельствуетъ Минея-Четья“. (266)— Юліанское лѣтосчислѣніе раскольники называютъ Янусовскимъ (Январь названъ такъ въ честь одноименного римского божества) и въ введеніи его и принятіи они видятъ поклоненіе „Янусу“, „старинному осмотысячному Сатурну“ (251) и чрезъ Янусовское новолѣтіе „Маозію“ (263).

По сказанію, Петръ „въ 1700 году собра весь свой поганскій синклитъ въ 1 день Генваря мѣсяца и поставилъ храмъ идолу ветхоримскому Янусу, и предъ всѣмъ народомъ нача творити чудеса чрезъ діавола, подъ видомъ фармазіи, и вси воскликнуша ему единогласно: виватъ! виватъ! виватъ новый годъ! И отъ того дни, разосла своя указы во всю Россію праздновати новое лѣто“ (250). Можно предполагать, что

¹³⁾ Что такъ именно считали раскольники, объ этомъ смотри „Христ. Чтеніе“ 1889 г. Май—Іюнь. Стр. 693—719. Эта статья (анонимъ) перепечатаана въ посмертномъ изданіи сочиненія Нильскаго „Объ антихристѣ“, какъ принадлежащая ему.

канвою для такого фантастического описания празднества новолѣтія послужила вторая, отмѣченная нами, часть указа Петра Великаго и описанное выше празднованіе имъ первого Января.

Отмѣчая, что Петръ, „первый и послѣдний воли сатаниной исполнитель, устави лѣта числити съ 1 Генваря, ьевнуя елинскому преданію *в честь идола ветхоримскаго*“ (266), сказаніе нѣсколько рачѣ (258) замѣчаетъ, что Петръ Великій, „сынъ погибельный, ратуяся со святыми, возобнови свое новолѣтіе въ честь *своего имени*“. Объясняется это съ изворотливостью раскольнической логики такъ: „якоже бо имя Петръ въ пяти литерахъ обносится, тако той приведе праздникъ новолѣтія въ пятый отъ Септемврія мѣсяца и сотворивъ съ нимъ спраздновати вѣрноподданныя своя рабы“ (258). Обвиняя Петра Великаго, какъ реформатора календаря, въ нарушеніи соборныхъ правилъ, раскольники въ обоснованіе взгляда на него, какъ антихриста, ссылаются на слова пророка Даниила, что „послѣдній звѣрь“ — „*помыслитъ премъничи времена и законъ*“ (250; 255).

Такъ какъ по указу Петра юліанское счисленіе дѣжалось офиціальнымъ, государственнымъ, а для раскольниковъ оно было ересью, и они не могли принять его, то они стараются уклониться отъ подписи и исполненія офиціальныхъ бумагъ, не признаютъ ихъ силы. Здѣсь одно изъ началъ „бѣгунства“. Печати, счисленіе, всякое вообще единеніе съ „испрооказившемся“ православною церковью, это — печать антихристова, и ея должно бѣжать, а при гоненіяхъ за древлюю вѣру — страдать за нее. „Не всякое ли производство въ письменныхъ дѣлахъ именемъ сатанинъ?“ (251) Великій въ злобѣ Петръ... разосла свои богопротивныя узаконенія, повелѣвая и по гражданскому производству дѣлъ, чтобы писать лѣта, начиная съ 1 Генваря (263). Мы въ книги отступническия съ беззаконными не пишемся. У васъ отъ Р. Хр. осмѣльть убавлено. О Россіянине! Почто у Христа украли лѣта? И почто паки вы лѣта превратили, индиктъ отъ Септемврія 1 числа на Генварь 1 число въ честь имени храма янусова превели и называете то новымъ лѣтомъ? И тако, со онаго лѣта, иже сынъ погибельный Петръ вамъ предаде, а вы держите и насъ грѣшныхъ въ туже погибель влечете. Того ради мы подъ ложныя ваши лѣта осмотрѣющаго Князя Тьмы не подпишемся... Янусовскому новолѣтію не послѣдуемъ. Творите съ нами, что хощете“ (265—266).

Въ заключеніе нашей краткой статьи позволимъ себѣ нѣсколько замѣчаній. При обсужденіи желательной и возможной реформы современного намъ календаря указываютъ на то, что введеніе нового лѣтосчислѣнія требуетъ крайней осмотрительности. Перемѣна пасхальныхъ таблицъ, незибѣжная при реформѣ календаря, „можетъ породить смущеніе въ нашемъ народѣ, особенно же среди тѣхъ людей, которые, крѣпко держась старины, не умѣютъ различать неизмѣняемаго отъ измѣняемаго¹⁴⁾“. Опасеніе это имѣеть основаніе. Но въ тоже время ясно, что такихъ осложненій во взглядахъ раскольниковъ, какія были 200 л. тому назадъ, теперь при реформѣ календаря быть не можетъ. Наша историческая справка свидѣтельствуетъ, что взгляды раскольниковъ на перемѣну календаря при Петре Великомъ покоились главнымъ образомъ на общихъ воззрѣніяхъ ихъ на Петра Великаго, какъ реформатора. Обвиненія Петра Великаго въ „премѣненіи лѣтъ“ въ сказаніяхъ стоятъ на ряду съ обвиненіями его въ переписи государства, принятіи титула императора, введеніи западныхъ обычаевъ и проч. Общее недовольство раскольниковъ и православныхъ реформами Петра, несомнѣнно, способствовало и фанатичности раскольническихъ взглядовъ того времени. Прошло 200 лѣтъ. Времена измѣнились. Безъ всякаго опасенія проводятся новая начала и въ жизни государства и въ жизни Церкви. Почему же перемѣна лѣтосчислѣнія должна возбуждать особыя опасенія?.. Осложненія, не споримъ, возможны. Насколько? Судить объ этомъ дѣло специалистовъ—натоковъ состоянія раскола, намъ современаго. Но эти осложненія, кажется намъ, не могутъ служить серьезнымъ препятствиемъ къ введенію нового календаря, а сколько—однимъ изъ неудобствъ, и къ устраненію или ослабленію возможныхъ осложненій должны быть только направлены соответствующія мѣры¹⁵⁾.

¹⁴⁾ Проф. Д. Ф. Голубинскій. „Вопросъ объ уравненіи года гражданскаго съ астрономическимъ“. Москва. 1899. стр. 72 слѣд.

¹⁵⁾ Срав. помѣч. выше нашу брошюру. Стр. 21—22.

Дворянскій родъ Тейльсовъ.

(изъ исторіи мѣстныхъ масоновъ).

С. Ал. Петровскаго.

Многіе изъ представителей дворянского рода Тейльсовъ занимали видныя мѣста въ рядахъ русской администраціи XVIII столѣтія, нѣкоторые отмѣчены и на страницахъ русской исторіи, а одинъ изъ нихъ, А. Д. Тейльсъ извѣстенъ въ частности и въ исторіи масонства. Въ виду этого несомнѣнnyй интересъ представляютъ двѣ рукописи Тульской Палаты Древностей, сообщающія свѣдѣнія объ этомъ родѣ за указанное время.

Первая рукопись носитъ заглавіе: „Фамильныя записки дворянского дома гг. де-Тейльсъ. Начаты 1830 года Октября 2-го дня, въ г. Одоевѣ“. Авторомъ этой рукописи, какъ видно изъ особой надписи на ней, былъ А. Д. Тейльсъ, занимавшій въ 1830 году должность Одоевскаго уѣзднаго судьи. Рукопись не окончена, но такъ какъ тетрадь, содержащая въ себѣ „записки“, далеко не вся исписана, то нѣть основаній предполагать, чтобы окончаніе ихъ было потеряно. Повидимому, авторъ, прервавъ, по неизвѣстной намъ причинѣ, свою работу, болѣе уже не возвращался къ ней¹⁾.

Другая рукопись, не имѣющая опредѣленного заглавія, представляетъ три четвертки писчей бумаги, сложенныхъ въ осьмушку листа, съ надписью на каждой: „Remarques“. Заключающіяся въ этихъ „Remarques“ свѣдѣнія написаны теткою вышеупомянутаго А. Д. Тейльса для какого-то лица, принадлежавшаго къ роду Тейльсовъ, и, вѣрнѣе всего, для самого автора „Фамильныхъ записокъ“, живо интересовавшагося всѣмъ, что имѣло какое либо отношеніе къ его предкамъ.

Родъ Тейльсовъ считаетъ за собою 300-лѣтнюю древность и приписываетъ себѣ испанское происхожденіе. Однако можно думать, что Тейльсы голландскаго происхожденія и выводить себя „изъ Гишпаніи“ единственно по той причинѣ, что къ началу новыхъ вѣковъ Нидерланды въ династическомъ отно-

¹⁾ Объ названной рукописи см. также ст. С. Петровскаго въ „Историческомъ Вѣстнике“ за 1886 г. Ноябрь. („Изъ фамильныхъ преданій“).

шени соединились съ Испанией. Какъ бы то ни было, въ XVI столѣтіи Тейльсы жили уже въ Нидерландахъ. Въ началѣ XVIII вѣка одинъ изъ представителей этой фамиліи, Вильгельмъ Тейльсъ, авторъ сочиненія „*Mémoires pour à l'histoire de Charles XII*“, находился въ голландскомъ посольствѣ при турецкомъ дворѣ и въ то же время былъ на жалованье у русского правительства, пользовавшагося его услугами для своихъ дипломатическихъ надобностей. Послѣ неудачнаго прусскаго похода онъ оказалъ важную услугу Россіи, способствуя уладженію ея отношеній къ Турціи въ то время, когда интриги Швеціи и Франціи готовы были привести къ полному разрыву между этими государствами. ¹⁾ Петръ Великій, „осыпавъ его за это милостями“, приглашалъ его на русскую службу, но Тейльсъ вместо себя предоставилъ въ распоряженіе цара сына своего Антона, только что окончившаго университетскій курсъ, со степенью доктора права, а проживавшаго въ то время въ Голландіи ²⁾.

Антонъ Тейльсъ прибылъ въ Россію въ 1714 году и вскорѣ привялъ православіе. Самъ царь былъ его крестнымъ отцомъ и подарилъ ему по этому случаю крестъ и образъ Знаменія Божіей Матери. Неизвѣстно, куда дѣвался подаренный Тейльсу Петромъ Великимъ крестъ; что же касается иконы, то, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, она послѣ смерти А. Д. Тейльса (автора „Фамильныхъ Записокъ“) перешла къ его женѣ, а потомъ досталась ея племяннику, тульскому купцу В. И. Хлѣбникову, здравствующему и въ настоящее время.

По словамъ „Записокъ“, Петръ Великій, цѣня ученость Антона Тейльса, между разными должностями „ввѣрилъ ему надзоръ за вновь устроеными учебными заведеніями“ ³⁾ и

¹⁾ Соловьевъ С. М. „Исторія Россіи“. Издание товарищества „Общественная Польза“. Книга IV-я, стр. 96, 591, 592.—Тамъ, где въ дальнѣйшемъ изложеніи нѣтъ ссылокъ на печатные источники, все свѣдѣнія черпаются изъ вышеназванныхъ рукописей.

²⁾ Кромѣ Антона, у Вильгельма Тейльса были еще два сына: старший былъ консуломъ въ Каирѣ, а второй служилъ въ австрійской арміи въ чинѣ генерала. По словамъ „*Remarques*“, одинъ изъ нихъ, но неизвѣстно, какой именно, переселился въ Россію одновременно съ Антономъ; но затѣмъ ни о немъ самомъ, ни о его потомствѣ мы не встрѣчаемъ никакихъ упоминаній въ этой рукописи; „Записки“ же говорятъ о переселеніи въ Россію одного Антона.

³⁾ Ни у Соловьевъ, ни у Пекарскаго („Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ“) мы не встрѣчаемъ упоминанія объ Антонѣ Тейльсе.

щедро наградилъ его за службу, пожаловавъ ему въ разныхъ мѣстахъ 1000 душъ крестьянъ. Всѣ три брака Тейльса устроены были при содѣйствіи самого царя. Въ первый разъ Тейльсъ женился на сестрѣ графа Чернышова, второю его женою была Кологривова и третью—княжна Грузинская.

Бракъ съ Чернышовой принесъ Тейльсу въ приданое болѣе 2000 душъ крестьянъ; но только это богатство не попало въ родъ Тейльса. Такъ какъ владѣніе крестьянами не было законнымъ порядкомъ закрѣплено за Тейльсомъ, то въ концѣ концовъ имѣніе за долги Чернышевыхъ было отобрано въ казну. „Гробы Чернышевыхъ,—читаемъ мы въ „Запискахъ“, видны еще и понынѣ въ приходской церкви въ Апухтинской волости (Калужской губерніи), и я ихъ видѣлъ въ своихъ прогулкахъ“.

Царь запросто посѣщалъ Тейльса. Однажды, будучи у него въ подмосковной, онъ въ адмиральской часѣ, по обыкновенію, потребовалъ себѣ водки; жена Тейльса поднесла ему графинъ, на которомъ, по тогдашнему обычаю, висѣлъ кружокъ, съ изображеніемъ герба Тейльсовъ. Петръ Великій, разсмотрѣвъ изображеніе, ударилъ Тейльса по плечу и сказалъ: „Твори, Тейльсъ, правду и меня (никого?) не бойся“. Съ того времени къ гербу былъ присоединенъ латинскій девизъ: *recte faciendo neminem timeas.* ¹⁾

Для характеристики нравовъ и людскихъ отношеній эпохи не безынтересенъ разсказъ „Записокъ“ о столкновеніи Тейльса съ помѣщицей Зыбиной.

Между прочими пожалованіями, Тейльсъ владѣлъ деревнею Матюковымъ и селомъ Глубокимъ (Калужской губерніи, Лихвинского уѣзда). Въ одинъ изъ прїездовъ Тейльса, крестьяне с. Глубокаго указали ему на то неудобство, что ихъ церковь находится въ далекомъ разстояніи отъ села. Не обративъ никакого вниманія на то, что церковь была сооружена родомъ господъ Зыбинахъ, потомки которыхъ жили тогда неподалеку въ с. Забревѣ, Тейльсъ велѣлъ собрать старостъ и приказалъ имъ къ слѣдующему же утру разобрать и перенести церковь въ с. Глубокое, къ самому барскому дому, который „былъ построенъ со всѣми вычурными готической архитектуры и рѣзными изъ дерева болванами на ступеняхъ краснаго крыльца.“

1) Въ „Запискахъ“ есть описание и рисунокъ этого герба, внесенного въ гербовникъ по именному указу Павла I отъ 22 Января 1801 года.

Приказаніе было исполнено, и послѣ того Тейльсъ немедленно отправилъ въ Москву своего любимаго слугу за разрѣшеніемъ освятить церковь и за необходимыми покупками для нея. Чрезъ нѣсколько времени явился посланный для освященія церкви архимандритъ. Благословивъ Тейльса, онъ подалъ ему митрополичью грамоту,—пергаментъ, обернутый въ шелковую матерію и положенный въ коробку. Въ грамотѣ не одобрялся самовольный поступокъ Тейльса, но такъ какъ дѣло было уже сдѣлано и притомъ съ добрымъ намѣреніемъ, то разрѣшено было приступить къ освященію храма, съ тѣмъ условіемъ, что, если бы потребовался впослѣдствіи ремонтъ, спросить предварительно Зыбинахъ, какъ храмоздателей, не захотятъ ли они взять расхода на себя, и лишь въ случаѣ ихъ отказа предоставить это роду Тейльсовъ. „Грамота сія,—читаемъ мы въ „Запискахъ“, кажется, должна быть еще цѣла въ Калужской консисторіи, а равно и нѣкоторая утварь, принесенная въ даръ прадѣломъ“.

Черезъ двѣ недѣли церковь была освящена архимандритомъ, и Тейльсъ, окончившій всѣ дѣла по имѣнію, уѣхалъ изъ Глубокаго. Между тѣмъ Зыбина, узнавъ о самовольномъ переносѣ церкви, пришла въ неописуемый гнѣвъ. Нимало не медля, въ тяжеломъ наслѣдственномъ рывданѣ, она двинулась въ Москву съ жалобою къ митрополиту, захвативъ съ собою и священника. Но митрополитъ, знаяшій о благовolenіи Петра Великаго къ Тейльсу, могъ только сказать священнику: „Теперь вѣкъ нѣмцевъ, дѣлать нечего. Всѣ обосурманились, глядя на царя. Ну, да не наше дѣло обѣ этомъ говорить!“ Такъ Зыбина и вернулась изъ Москвы ни съ чѣмъ.

Вскорѣ послѣ того Зыбиной зачѣмъ-то понадобилось снова поѣхать въ Москву. По дорогѣ она нагнала какой-то обозъ съ домашнею рухлядью, тянувшійся туда же. Оказалось, что это везли Тейльсово добро. Зыбина вспомнила нанесенную ей обиду и набросилась на людей Тейльса, называя ихъ слугами нехристя, а самого Тейльса ихъ пастухомъ. Разумѣется, Тейльсу донесли обѣ этомъ, и онъ, недолго думая, именемъ Государя попросилъ правителя Москвы взять Зыбину подъ арестъ. Злополучная помѣщица попала въ острогъ, такъ какъ, по словамъ „Записокъ“, „другихъ мѣстъ тогда для арестантовъ не было“.

Между тѣмъ Тейльсъ поѣхалъ въ Петербургъ. Онъ рассказалъ царю о своемъ столкновеніи съ Зыбиной. Сначала Петръ смеялся, но когда дѣло дошло до самовольного ареста по-

мъщицы, онъ нахмурилъ брови и крѣиче обыкновеннааго сжалъ въ рукахъ извѣстную дубинку. Впрочемъ, вслѣдъ затѣмъ лицо его прояснилось, и онъ предоставилъ Тейльсу право поступить съ Зыбиной, какъ угодно. „Вѣроятно,—говорится въ „Запискахъ“,—Государь, имѣя власть всегда все поправить, хотѣлъ испытать прадѣда“. При томъ же „Зыбина славилась въ своемъ околотѣ слѣпою любовью къ старинѣ“.

Вскорѣ Тейльсъ смилиостивился надъ Зыбиной и, въ виду ея униженной мольбы, „испросить у царя помилованіе ей, ибо ему только вѣдомо, за что она содержится“, не только освободилъ ее изъ заключенія, но еще прислалъ за нею карету, чтобы привести злосчастную плѣнницу въ его домъ. При видѣ недруга, Зыбина не выдержала и разразилась противъ „проклятаго басурмана“ цѣлымъ потокомъ браны, которую онъ на этотъ разъ выдержалъ довольно спокойно и только замѣтилъ Зыбиной: „за что сердишься, матушка? Не сама ли назвала меня пастухомъ, а какъ я зналъ, что ты баба злая, то и захотѣлъ проучить тебя и, какъ скотинку злую, продержалъ нѣсколько времени въ закутѣ; теперь же иди на чистую росу“. На прощанье, Зыбина, чтобы сорвать на комъ нибудь сердце, влѣпила, садясь въ карету, звонкую пощечину поддерживавшему ее на подножкѣ гайдуку.

Съ тѣхъ поръ между Тейльсами и Зыбиной началась не-примириная вражда. Послѣ смерти Антона Тейльса, Зыбина завела съ его дѣтьмиссору за какой-то лугъ и, вооруживъ своихъ людей кольями, начала настоящее побоище съ Матюковскими мужиками. Два человѣка были убиты. Возникло судебнное дѣло, и сердитая помѣщица избавилась отъ законной кары только потому, что умерла до рѣшенія дѣла.

Антонъ Тейльсъ скончался въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, на Лубянкѣ. Послѣ него осталось многочисленное семейство. По словамъ „Записокъ“, отъ трехъ женъ у него было 22 человѣка дѣтей, изъ которыхъ 14 умерли въ дѣтствѣ. Старшій сынъ А. Тейльса, Иванъ Антоновичъ, по словамъ „Remarques“, былъ искуснѣйшимъ медикомъ. Это, очевидно, тотъ самый Тейльсъ, который въ царствованіе Анны Ioанновны былъ назначенъ членомъ медицинской конторы, имѣвшей обязанностью вѣдать аптечное дѣло и отправлять въ войско искусствыхъ лѣкарей, „безъ всякаго похлѣбства, ни по дружбѣ, ниже по ненависти“.¹⁾ Повидимому, Иванъ Антон-

1) Соловьевъ. Исторія Россіи. Кн. IV-я стр. 1186.

вичъ какъ разъ былъ человѣкомъ, неспособнымъ увлекаться „похлѣбствомъ“. По крайней мѣрѣ, „Remarques“ изображаютъ его крайне безкорыстнымъ. Онъ былъ женатъ на Дуниной-Барковской, за которой получилъ въ приданое 2000 душъ; но по смерти жены онъ добровольно отказался отъ принадлежащей ему по закону части наслѣдства, хотя самъ былъ очень небогатъ. Иванъ Антоновичъ никогда не отказывалъ бѣднымъ въ бесплатной медицинской помощи, и потому они съ горькими слезами проводили его въ могилу.

Изъ другихъ сыновей Антона Тейльса извѣстенъ своею служебною дѣятельностью Андрей Антоновичъ, родной дѣдъ автора „Записокъ“.

Благодаря живому и веселому характеру, мягкому обращенію и умѣнью хорошо одѣться, Андрей Тейльсъ въ молодости былъ желаннымъ гостемъ во всякомъ обществѣ и особенно въ дамскомъ. Онъ хорошо рисовалъ и охотно раздавалъ дамамъ и дѣвицамъ рисунки и расписанные вѣера своей работы. Но успѣхъ у женщинъ не мѣшалъ ему быть въ высшей степени скромнымъ, такъ что за строго-нравственную жизнь его прозвали „красною дѣвушкой“. Ему улыбался бракъ, по взаимной симпатіи, съ княжною Волхонской, но обстоятельства такъ сложились, что онъ женился на Е. М. Страховой, пятнадцатилѣтней дѣвушкѣ, сиротѣ, извѣстной своею красотою и обладавшей хорошемъ состояніемъ. Она выросла въ деревенской глухи, была прекрасная хозяйка, но не обладала достаточнымъ свѣтскимъ лоскомъ. Впрочемъ, подобно Пушкинской Татьянѣ, она скоро постигла эту науку. Самъ Тейльсъ мало занимался хозяйствомъ. Какъ добрый и непритязательный баринъ, считавшій достаточнымъ пятирублевый оброкъ съ своихъ крестьянъ, онъ пользовался самою искреннею любовью съ ихъ стороны.

Такую же почтенную извѣстность пріобрѣлъ Андрей Антоновичъ Тейльсъ и на служебномъ поприщѣ. Въ качествѣ прокурора г. Москвы, онъ пользовался большими симпатіями въ первопрестольной столицѣ. „Служба дѣдушки, — говорится въ „Запискахъ“, — пріобрѣла лестное вниманіе генераль-прокурора сената, князя Вяземского; ¹⁾ его съ нимъ переписка ясно доказываетъ пріязнь, какою онъ пользовался и оправдалъ. Одинъ случай достаточенъ къ удостовѣренію Онъ, какъ прокуроръ Москвы, защищалъ дѣло, касающееся до казны и град-

1) Извѣстный дѣятель царствованія Екатерины II.

скаго общества. Во время начала его болѣзни, простуды ногъ, противники успѣли чрезъ происки дать невыгодное направлениe дѣлу. Купцы приходять умолять дѣда идти въ присутствіе на защиту; онъ отговаривается нездоровыемъ; они берутъ его за кресло и несутъ черезъ улицы предъ судей. Одинъ таковой его входъ поразилъ судейское собраніе, но когда онъ заговорилъ, истина взяла верхъ, и дѣло было выиграно. На обратномъ пути его встрѣчали поклонами уваженія, и онъ невольно плакалъ отъ умиленія". Въ качествѣ московскаго прокурора, Андрей Тейльсъ составилъ опись книгамъ, продававшимся у Н. И. Новикова, когда на послѣдняго обрушился правительственный гнѣвъ. ¹⁾ Извѣстно, что въ эту опись попали многія масонскія изданія, въ этомъ случаѣ могло имѣть нѣкоторое значеніе то обстоятельство, что родной братъ Андрея Тейльса, Игнатій Антоновичъ, принадлежалъ къ числу масоновъ.

Къ шестидесятилѣтнему возрасту ревматизмъ у московскаго прокурора усилился до такой степени, что ноги у него свело, и его носили на рукахъ. Къ довершенію бѣды, у него сильно заболѣли глаза, и онъ, до тѣхъ поръ сохранившій замѣчательную остроту зрѣнія, принужденъ былъ надѣть очки. На 60-мъ году, рисуя въ нихъ, услышалъ голосъ, три раза повторившій: "скинь очки." Тейльсъ снялъ ихъ и съ удивленіемъ убѣдился, что глаза его стали здоровы. Съ тѣхъ поръ до самой смерти онъ обходился безъ очковъ.

Андрей Тейльсъ дожилъ до 107 лѣтъ. Когда его тѣло, согласно его завѣщанію, привезли для погребенія въ родовое село Глубокое, крестьяне за пять верстъ отъ села встрѣтили гробъ, поклонились ему до земли, сняли его съ дорогъ и понесли на рукахъ. Сосѣдняя помѣщица Сомова (дочь Зыбиной), которая, кромѣ старинной родовой вражды, питала еще личное нерасположеніе къ покойному за то, что онъ не позволилъ похоронить въ церкви ея сына самоубійцу, бесплодно пыталась чрезъ мѣстного архіерея воспрепятствовать погребенію Тейльса подъ церковнымъ амвономъ. Крестьяне, каменщики по ремеслу, заперлись съ заготовленными для устройства склепа материалами въ церкви и твердо заявили, что они, во чтобы то ни стало, исполнять завѣщаніе покойнаго. Любимымъ сыномъ московскаго прокурора былъ Димитрій, отецъ автора

1) См. Ешевскаго. Сочиненія, т. III.

„Записокъ“. Онъ очень рано началъ военную службу и былъ адъютантомъ при генералѣ Иванѣ Александровичѣ Заборовскомъ, находившемся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ семьею Тейльсовъ¹⁾). Генералъ очень любилъ своего адъютанта и охотно прощалъ ему различныя проказы, до которыхъ тотъ былъ очень падокъ, по своему живому и веселому характеру. Если генералу случалось сильно разгневаться, то защитницею Тейльса являлась генеральша.

При Императорѣ Павлѣ мы видимъ Д. А. Тейльса съ полкомъ на границѣ Польши. Живой темпераментъ вовлекъ здѣсь Тейльса въ такое приключеніе, которое могло бы кончиться для него печально, если бы, по словамъ его сына, „счастливый случай не спасти его отъ гнѣва Павла I“. Вмѣстѣ съ сыновьями князя Сибирскаго и генерала Турчанинова, Димитрій Тейльсъ вздумалъ побывать за границею, въ домѣ одного поляка, у которого были хорошия дочки. Поляки по какому-то случаю затѣяли ссору съ русскими офицерами, и скоро обѣ стороны пустили въ дѣло сабли. Турчаниновъ и князь Сибирскій выскочили въ окно и отправились за подмогой, а Тейльсъ одинъ выдерживалъ напоръ враговъ. Когда подмога явилась, нѣсколько поляковъ лежали уже на полу. Дали знать обѣ этомъ Императору. Не дожидаясь ареста, Тейльсъ нанялъ лихую тройку и покатилъ къ себѣ на родину, въ Тульскую губернію. Старикъ отецъ, ничего не подозрѣвавшій, съ радостью встрѣтилъ молодого офицера. Обрадовались ему и сосѣди, имѣвшіе взрослыхъ дочерей. Начались постоянные вечера, на которыхъ Тейльсъ танцевалъ до упаду. Среди такого молодого беззаботнаго веселья Тейльсъ влюбился въ племянницу г-жи Щербачевой, сдѣлалъ ей предложеніе и скоро женился на ней. По случаю свадьбы данъ былъ пиръ горой; но на другой день веселье смѣнилось глубокимъ уныніемъ: молодой сообщилъ своей женѣ о полковой исторіи, а та разсказала обѣ этомъ его роднымъ. Какъ выпутался онъ изъ непріятнаго положенія, неизвѣстно, но изъ приведенныхъ выше словъ его сына видно, что исторія не имѣла для него серьезныхъ послѣдствій²⁾.

Возвращаемся къ другимъ сыновьямъ Антона Вильгельмовича Тейльса.

¹⁾ И. А. Заборовскій (1735—1817) въ 1787—98 состоялъ Владимирскимъ и Костромскимъ генералъ-губернаторомъ.

На этомъ неоконченномъ разсказѣ прерываются „Фамильные записки дворянскаго дома гг. де-Тейльсъ“.

Антонъ Антоновичъ отличался ученостью и тридцать лѣтъ служилъ при Московскомъ университѣтѣ, откуда вышелъ въ отставку съ чиномъ тайного советника ³⁾. „Remarques“ называютъ его „необыкновеннымъ антикомъ по философской жизни“. Всегда ровный и спокойный, никогда ничему замѣтно не радовавшійся и ничемъ не огорчавшійся, онъ до глубокой старости сохранилъ здоровье. Никто не видѣлъ его сердитымъ, но и ему случилось отдать дань крѣпостному самовластію. Однажды, садясь въ карету, онъ замѣтилъ, что его кучеръ былъ пьянъ; тотчасъ онъ велѣлъ отвести его въ казенную палату и отдалъ въ солдаты. Холостякъ до конца дней своихъ, Антонъ Антоновичъ избѣгалъ держать въ своемъ домѣ женщинъ. Исключение составляли: старуха, мать его камердинера, которая, впрочемъ, никогда не показывалась ему на глаза, и „забавная дура Фема“. Серьезный Тейльсъ былъ сыномъ своего вѣка, и выходки смѣшной старухи нерѣдко вызывали улыбку на его неподвижное лицо. Обыкновенно шутовство Фемы приводило къ тому, что Тейльсъ давалъ ей нѣсколько денегъ на вино и блины, до которыхъ та была большая охотница. Упомянутый выше Игнатій Антоновичъ Тейльсъ принадлежалъ къ числу масоновъ Екатерининского времени. Извѣстный Н. И. Новиковъ, рекомендуя Игнатія Тейльса для принятія въ масонскій рыцарскій капитулъ, говорилъ, что „онъ человѣкъ, по всему заслуживающій наисправедливѣйшимъ образомъ эту честь“. По словамъ „записокъ“, Игнатій Антоновичъ пользовался большимъ благоволеніемъ Императрицы Екатерины II, которая ввѣрила ему особенный надзоръ за извѣстнымъ графомъ Бобринскимъ, воспитывавшимся въ кадетскомъ корпусѣ. Въ царствованіе Императора Павла I Игнатій Тейльсъ управлялъ Тверскою губерніею. По оговору частнаго пристава Гордѣева, облагодѣтельствованнаго Тейльсомъ, послѣдній былъ заключенъ въ Гатчинскій замокъ; но невинность его вскорѣ обнаружилась, и Императоръ, у которого гневъ быстро смѣнялся милостью, щедро вознаградилъ его за несправедливую опалу: по словамъ „Remarques“, онъ получилъ „одна за другою 14 (?) монаршихъ наградъ“. При Императорѣ Александрѣ I мы видимъ Игнатія Антоновича правителемъ Бѣлостокской и Тарнопольской областей, присоединенныхъ къ Россіи по Тильзитскому миру. Въ 1811 году онъ скончался.

³⁾ Въ „Исторіи Московскаго университета“ Шевырева мы не нашли имени А. А. Тейльса.

Объ остальныхъ сыновьяхъ Антона Вильгельмовича Тейльса рукописи даютъ очень скучный свѣдѣнія.

Александра Антоновика „Remarques“ характеризуютъ, какъ человека, „исполненного честности и добродѣти и никого не оскорблявшаго умышленно,—словомъ, бывшаго во всѣхъ отношеніяхъ истиннымъ христіаниномъ“. У него былъ сынъ Андрей Александровичъ, о которомъ мы читаемъ въ „Remarques“: „Братъ Андрей Александровичъ сочинилъ въ стихахъ трагедію „Геркулесъ“. Гдѣ-то она? Онъ писалъ хорошо; оставилъ память и въ моемъ альбомѣ“. Изъ этихъ словъ мы видимъ, между прочимъ, что авторомъ „Remarques“ была дочь Александра Антоновика.

Совершенно непохожимъ на остальныхъ братьевъ является Левъ Антоновичъ, человѣкъ жестокаго характера, съ большими странностями и никѣмъ не любимый. Рукописи не даютъ свѣдѣній о его служебномъ положеніи, но только называютъ его службу многотрудной и несчастливой.

Изъ дочерей Антона Тейльса „Remarques“ упоминаютъ о Екатеринѣ Антоновнѣ. Не отличавшаяся красотою, маленькаго роста, она за то славилась умомъ и благочестіемъ. Знакомые звали ее „Царь-дѣвицей“. Къ ней прибѣгали за совѣтами въ важныхъ случаяхъ; она нерѣдко примиряла семейные ссоры. Ей представлялась возможность сдѣлаться фрейлиной, но, по желанію отца, она отклонила отъ себя эту честь. Князь Николай Васильевичъ Репнинъ⁴⁾ два раза дѣлалъ ей предложеніе, но каждый разъ, какъ она готовилась дать согласіе, она дѣлалась отчаянно больна. Когда она умерла, Игнатій Антоновичъ сочинилъ для ея памятника соотвѣтствующую эпитафию.

Таковы свѣдѣнія, которыя мы извлекаемъ изъ „Записокъ“ А. Д. Тейльса и изъ „Remarques“ его тетки. Нельзя не пожалѣть, что „Записки“ не доведены до конца. Судя по тому интересу, который обнаруживалъ Тейльсъ ко всему, происходившему вокругъ него, онъ могъ бы поразсказать намъ не мало интереснаго о себѣ самому и о событияхъ своего времени. Впрочемъ, пробѣлъ, касающійся автора „Записокъ“, восполняется отчасти изъ другихъ источниковъ. Въ „Дневникѣ масона“, помѣщенному въ „Тульской старинѣ“, мы сообщили біографическія свѣдѣнія объ А. Д. Тейльсѣ, какія

⁴⁾ Извѣстный дѣятель (военный и дипломатъ) царствованія Елизаветы Петровны и Екатерины II.

могли почерпнуть изъ сообщеній людей, знаяшихъ его лично или слышавшихъ о немъ отъ другихъ, а также коснулись тѣхъ выводовъ, какіе можно сдѣлать о его внутреннемъ обликѣ, на основаніи оставшихся послѣ него рукописей. Въ настоящее время въ Тульской Палатѣ Древностей имѣется формулярный списокъ о службѣ А. Д. Тейльса, дающій возможность дополнить новыми чертами сообщенные прежде свѣдѣнія о немъ.

„Списокъ“ составленъ въ 1859 году, когда А. Д. Тейльсъ доживалъ уже шестой десятокъ. Не знаемъ, существовали ли въ то время какіе либо другіе представители дома Тейльсовъ по мужской линіи, но если имѣть въ виду только его, то этотъ родъ, такъ блестяще начавшій свою служебную карьеру при Петрѣ Великомъ и такъ удачно продолжавшій и въ теченіе всего XVIII столѣтія, въ это время пришелъ въ упадокъ. Въ 1819 году мы видимъ А. Д. Тейльса въ скромной должности посредника полюбовнаго размежеванія по Одоевскому и Бѣлевскому уѣзdamъ и 2-му участку Тульского уѣзда. Также неизвѣдно, сравнительно съ предками, было и его материальное положеніе. Отъ ихъ большихъ помѣстій не осталось въ его рукахъ никакого слѣда, и въ графѣ формуларя: „есть-ли имѣніе“—мы читаемъ печальное „не имѣетъ“. А между тѣмъ свою службу онъ началъ, повидимому, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Прежде всего должно имѣть въ виду, что онъ получилъ высшее образованіе въ Московскомъ университѣтѣ, а это въ началѣ XIX столѣтія было вовсе не зуриаднымъ явленіемъ. По тогдашнему обыкновенію, онъ закончилъ свое обученіе, со степенью студента, очень рано, не достигнувъ 16-ти лѣтняго возраста. Само собою разумѣется, что при этомъ условіи умственный багажъ, взятый имъ изъ университета въ житейское странствованіе, не могъ быть очень цѣннымъ и тяжеловѣснымъ, но это было тогда обыкновеннымъ явленіемъ. Черезъ годъ съ небольшимъ по окончаніи образованія, а именно въ Декабрѣ 1817 года, онъ вступилъ въ службу „колонновожатымъ въ свиту Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части“ (теперь генеральный штабъ), но уже въ 1821 году, по домашнимъ обстоятельствамъ, вышелъ въ отставку. Позволительно догадываться о причинѣ такой скорой отставки. Въ одномъ мѣстѣ своего „Дневника“, писанного въ 1830 году, Тейльсъ говоритъ: „Бывало и тысячу мало на годовую проживу, а нынѣ я умоляю Господа, да сберечь Онъ хотя бездѣлицу для существованія мбего“. Бо-

татый офицерский кругъ требовалъ соответствующихъ расходовъ, и потому приходилось, по всей вѣроятности, выбирать карьеру менѣе блестящую, но за то и менѣе убыточную. Однако въ тогдашнее время военная служба, привлекавшая самый цвѣтъ общества и интеллигенціи, представляла такъ много заманчиваго для молодого дворянинаго, вкушившаго прелестей столовой жизни, что Тейльсъ еще разъ рѣшился попытать на ней счастья, и въ 1822 году снова поступилъ на службу въ Малороссійскій гренадерскій полкъ, гдѣ и пробылъ до 1825 г. Послѣ четырехлѣтней отставки, съ 1829 года начинается его гражданская служба по выбору дворянства. Два года прослужилъ онъ въ Одоевскомъ уѣздномъ судѣ судьею. Изъ нѣкоторыхъ выражений „Дневника“, можно дѣлать заключеніе, что служба причиняла ему немало хлопотъ и непріятностей, но, повидимому, она оставляла ему много времени для личныхъ интересовъ и занятій. Переживая памятью то болѣе счастливое время, когда онъ былъ молодымъ столичнымъ офицеромъ, подававшимъ, можетъ быть, блестящія надежды, и когда, подобно многимъ другимъ представителямъ русскаго дворянства, онъ увлекался масонствомъ, Тейльсъ составляетъ „Записки“ о прошломъ своихъ предковъ, представлявшимъ такой контрастъ съ его собственнымъ положеніемъ въ глухомъ уѣздномъ городишкѣ, переписываетъ масонскія рукописи и ведетъ „Дневникъ“, отразившій тогдашнее его настроеніе. Въ 1832 году Тейльсъ былъ избранъ на должность судьи въ Тульскій совѣтный судъ, гдѣ и пробылъ до 1835 года. Исполняя свои непосредственные обязанности, онъ нашелъ время заняться архивомъ суда, который и привелъ въ порядокъ за 55 лѣтъ, начиная съ 1787 года. Въ 1834 году Тулу постигъ страшный пожаръ. Тейльсъ, которому поручено было завѣдывать попечительствомъ о погорѣльцахъ, сумѣлъ привлечь немало пощертованій, въ дополненіе къ суммѣ, отпущенной на этотъ предметъ Государемъ. Въ 1845 году, назначенный опекуномъ надъ имѣніемъ г.г. Токаревыхъ, онъ такъ энергично и умѣло принялъся за дѣло, что кредиторы были удовлетворены, и имѣніе спасено отъ продажи за долги. Съ 1846 года мы видимъ Тейльса посредникомъ полюбовнаго размежеванія земель. Въ этой должности онъ, между прочимъ,оказалъ услугу и духовному вѣдомству содѣйствиемъ при размежеваніи земель по Одоевскому уѣзду, за что Св. Синодъ объявилъ ему свою признательность. Одновременно съ этой должностю онъ несъ званіе депутата по Одоевскому уѣзду для раскладки земской

повинности и былъ членомъ губернского статистического комитета. Въ 1859 году, въ чинѣ надворного советника и имѣя орденъ св. Станислава 2-й степени, онъ окончательно вышелъ въ отставку. Въ формуляре онъ значится холостымъ, но уже на самомъ склонѣ своихъ дней онъ вступилъ въ бракъ съ тульскою мѣщанкою А. С. Жабиной. Поздній бракъ оказался бездѣтнымъ, и со смертію А. Д. Тейльса, постигшей его въ 1870 году, одна изъ мужскихъ линій дома Тейльсовъ, а можетъ быть къ тому времени и единственная линія, прекратила свое существованіе.

Отдѣльный оттискъ изъ Тул. Епарх. Вѣдом. 1904 г.

Тула. 23 Марта 1904 г. Дозволено цензурою.
Цензоръ Протоиерей Георгий Пановъ.

Типографія И. Д. Фортунатова насл., въ Тулѣ.

